АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

9
Т98

Редакционная коллегия
А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

$\frac{0162\text{-}2086}{042(02)\text{-}73}$ Т 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Л. С. Ефимова.* Младший редактор *Р. Г. Канторович.* Художественный редактор *И. Р. Бескин.* Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 6

А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология 7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед . . . 18

А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности 24

А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке 36

Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии 51

Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности 62

В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв. 69

Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования *турок ~ тюрк* и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) 93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» 141

А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым 186

Приложение к статье А. Н. Самойловича

Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов 212

Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР 213

И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии 2

Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским 231

Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров 235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

С. Г. Кляшторный (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
Л. П. Потапов (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
С. М. Абрамзон (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
Ф. Х. Арсланова (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 306
А. Д. Грач (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла . . .
С. Г. Кляшторный (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
Л. Г. Савинов (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
Ю. И. Трифонов (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
Р. А. Гусейнов (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
А. Д. Новичев (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем . 396
Список сокращений 401

ХРОНИКА

В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

А. Н. Самойлович

ВАРИАНТ СКАЗАНИЯ О ЕДИГЕЕ И ТОХТАМЫШЕ, ЗАПИСАННЫЙ Н. ХАКИМОВЫМ[1]

I

В бытность мою приват-доцентом факультета восточных языков Ленинградского (тогда Петербургского) университета мною была предложена в 1911 г. студентам на соискание медали тема: «Сравнить известные версии сказания об Едигее и Тохтамыше со стороны языка, поэтической формы и содержания и дать сводный текст сказания на русском языке». Предлагая эту тему, я стремился к тому, чтобы было продолжено дело, начатое в 1905 г. П. М. Мелиоранским, издавшим, как известно, одну из старинных записей этого сказания на казахском языке арабским алфавитом из архива казахского ученого середины XIX в. Чокана Валиханова, с подробным предисловием и с приложением списка четырнадцати вариантов сказания о Едигее: казахских, ногайских, крымских, сибирско-татарских и каракалпакского[2].

Одной из самых полных и интересных версий П. М. Мелиоранский считал сводную ногайскую версию, составленную по различным спискам М. Османовым в Дагестане[3]. П. М. Мелиоранскому остались неизвестными астраханско-

---

[1] Публикуемая статья акад. А. Н. Самойловича хранилась в архиве покойного профессора Казанского педагогического института Л. Заляя и была передана редколлегии Х. Х. Ярмухаметовым, которому все мы искренне признательны. Статья подготовлена к печати С. Г. Кляшторным.

Нигматулла Ганиятулович Хакимов (1889—1937) — доцент кафедры татарского языка и литературы Казанского педагогического института, известный татарский языковед и журналист. Вариант сказания записан Н. Хакимовым во время его поездки в Сибирь в 1919 г. со слов сказителя Ситдика Зайнутдинова.— *Прим. редколлегии.*

[2] Сказание об Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову, издал проф. П. М. Мелиоранский, СПб., 1905 (прил. к т. XXIV ЗИРГО по отд. этнографии).

[3] М. Османов, Ногайско-кумыкские тексты, СПб., 1883, стр. 32—49.

ногайская версия, записанная А. Ходзько в 1830 г. и изданная им на английском языке, и ногайская версия в русском переводе Н. Семенова [4].

«Честь пионера в сводке воедино различных версий сказания о Едигее и Тохтамыше», как я писал в университетском отчете за 1911 г.[5], принадлежит тогдашнему моему слушателю П. А. Фалеву, который был удостоен за представленное на мою тему сочинение золотой медали. Насколько мне известно, ценное сочинение это, разработанное впоследствии в обширный труд, находившийся некоторое время у В. В. Бартольда, осталось ненапечатанным [6]. Вопроса о казахском эпосе коснулся этот рано умерший (в 1922 г.) даровитый питомец факультета восточных языков в своем небольшом печатном произведении [7].

П. А. Фалев полагал (стр. 12), что «предания об Идиге, Шора-Батыре и др. заимствованы (казахами.— *А. С.*) у ногайцев», и далее уточнял свою мысль (стр. 14): «С запада киргизы (казахи) заимствовали ногайский героический эпос. Точнее, сами ногайцы принесли свои героические песни и сказания в киргизские (казахские) степи». «Надо предполагать, что ногайские предания, по крайней мере предание об Идиге, были записаны еще в период, когда ногайцы имели доступ в киргизские (казахские) степи. Мы знаем версии, в которых Идиге и его враг Тохтамыш действуют в ногайском народе и где о киргизах (казахах) не упоминается». Сказания о Едигее как произведения ногайского народа П. А. Фалев подробнее касается в части своих лекций, посвященных истории Золотой Орды и ногайцев (стр. 32). Возвращаясь к вопросу о распространении сказания о Едигее за пределами ногайских земель, П. А. Фалев говорил (стр. 34): «Ногайцы (после распадения Золотой Орды на ханства Казанское, Астраханское и Крымское) сохранили свою самостоятельность. Помня свое воинственное прошлое, они отрядами выходили из своих улусов и нанимались в военные защитники в соседних ханствах и у соседних племен. В этот период но-

---

[4] A. Chodzko, Specimens of the popular poetry of Persia, London, 1842; Н. Семенов, Туземцы северо-восточного Кавказа. Рассказы, очерки, исследования и заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народцев, СПб., 1895, стр. 413—487.

[5] Отчет о состоянии и деятельности СПб. Университета за 1911 г., СПб., 1912, стр. 275—280.

[6] Выход в свет намечался в 1927 г. См.: В. В. Бартольд, Отец Едигея [Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 797—804].

[7] Введение в изучение тюркских языков и наречий. Лекции, читанные проф. П. А. Фалевым в 1921 г. в Туркестанском восточном институте. На правах рукописи, Ташкент, 1922, стр. 12.

гайцы разнесли свой эпос по всей Средней Азии до самого Алтая».

П. М. Мелиоранский также в свое время допускал ногайское происхождение сказания о Едигее: «...весьма вероятно, что и вообще родиною этой былины были ногайские, а не киргизские (казахские.— *А. С.*) степи, что и с исторической точки зрения представляется правдоподобным» (стр. 5). И В. В. Бартольд считал сказание о Едигее произведением ногайского эпоса, имевшего влияние на несколько других турецких народностей, о чем он писал в 1927 г. в статье «Отец Едигея». Эта статья заслуживает большого внимания, будучи связана с высказываниями П. М. Мелиоранского в вышеупомянутом его предисловии об отношении сказания к истории Золотой Орды и основана на свидетельствах историков Абулгази, Али Йезди, Хафиз-и Абру, анонима Искендера (Мус'ин ад-дин Натанзи) и др.

Вполне обоснованно В. В. Бартольд признал явно несостоятельным мнение Г. Н. Потанина[8] о том, что существовали независимо друг от друга два Едигея: один — сказочный, другой — исторический; первый предшествовал второму и слился с ним в представлениях золотоордынского народа[9]. Основной формой имени Едигея В. В. Бартольд склонен признать *Идюкю*. По-моему, не исключается предположение, что в основе этого имени лежит восточнотюркское, в частности, караханидско-кашгарское *эдгю, идгю* «добрый, хороший», которому в современном казахском языке соответствует слово *izgi*. В пользу моего предположения говорит до некоторой степени тот факт, что на копии ярлыка Тимур-Кутлуга имя Едигея и уйгурским, и арабским алфавитом написано в форме Едгю, что ввело в заблуждение В. В. Радлова, прочитавшего это слово не как личное имя, а как имя нарицательное: вместо «Мое — Тимур-Кутлугово слово правого и левого крыла уланам, тысяцким, сотским, десятским бегам во главе с темником Едигеем» В. В. Радлов перевел: «Я, Темир-Кутлуг, говорю: огланам правого и левого крыла, бесчисленным (tymen) добрым (edgy) начальникам» и т. д.[10].

В заключение своей статьи В. В. Бартольд писал: «Аноним Искендера, который оставил нам рассказ об отце Едигея

---

[8] Г. Н. Потанин, Сага о Соломоне. Восточные материалы по вопросу о происхождении саги, Томск, 1912. Рецензия В. В. Бартольда: ЗВОРАО, 1913, т. XXI, стр. 0151—0152 [В. В. Бартольд, Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 369—370].

[9] В. В. Бартольд, Отец Едигея [стр. 804].

[10] В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга,— ЗВОРАО, 1889, т. III, стр. 20; ср.: А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга,— Изв. РАН, 1918, № 11, стр. 1112.

как богатыре, непоколебимо преданном своему хану и запечатлевшем эту преданность смертью, рисует совершенно другой, по-видимому согласный с действительностью, образ самого Едигея — вельможи, полновластно распоряжавшегося государством, возводившего на престол царевичей ханского рода только для того, чтобы прикрывать ими свою власть, и в конце концов павшего жертвой собственного самовластия, несмотря на его заслуги перед своей страной... Исторический Едигей столь же мало походил на своего отца, как и на Едигея легенды... рассматривающей все события с точки зрения личных отношений между Едигеем и Тохтамышем»[11].

Необходимо учесть указание В. В. Бартольда на существование двух исторических Едигеев, живших в одно время: Едигея из племени барлас, т. е. соплеменника Тимура Хромого, и Едигея из племени мангыт, героя нашей былины.

Приведя интересную подробность из «Зафер-наме» Али Йезди, историка эпохи Тимура (XV в.), о том, что при описании похода Тимура в 1391 г. против Тохтамыша Едигей назван узбеком, В. В. Бартольд пояснил: «По-видимому, в то время термин „узбеки" относили только к западной части улуса Джучи; говоря о победе Тимур-Кутлука над Тохтамышем, аноним Искендера... замечает, что бóльшая часть войска Уруса (владевшего восточной частью Золотой Орды.— *А. С.*) была перебита руками „узбеков"»[12].

Позволяю себе в данном случае усомниться в правильности догадок В. В. Бартольда. Приведенные им факты не дают, по-моему, оснований для утверждения, что Али Йезди и аноним Искендера, два персидских историка XV в., писавшие о событиях в Средней Азии, проживая в Иране, именовали узбеками только население западной части Золотой Орды. Смысл слов о том, что большая часть войска Уруса перебита руками узбеков, по-моему, тот, что войска золотоордынца Уруса истреблялись своими же золотоордынскими людьми, узбеками. Важно учесть, что в данном случае мы имеем не самозванца, не самоопределение (Едигей — узбек), а именование извне, со стороны культурных людей Ирана, различавших только узбеков и чагатайцев, т. е. золотоордынцев, с одной стороны, и подданных Тимура — с другой. Как золотоордынец Едигей, будучи ногайцем, тем самым был, по крайней мере для иранских историков XV в., узбеком в отличие от чагатайцев. В другом месте В. В. Бартольд отметил тоже достойный внимания факт, что одно время, до окон-

[11] В. В. Бартольд, Отец Едигея [стр. 804].
[12] А. Н. Самойлович, Несколько поправок, стр. 802, прим. 29.

чательного выделения казахского народа, существовало наименование *узбек-казак* [13].

История Золотой Орды имеет отношение к истории ряда современных народов СССР, и отзвуки золотоордынской истории мы находим в истории и в исторических источниках поволжских татар, башкир, чувашей, ногайцев, крымцев, туркмен (саинхановские туркмены), каракалпаков, узбеков, казахов, русских и др. Сказание о Едигее и Тохтамыше представляет поэтому особый интерес для читателей большинства республик Советского Союза.

II

После Октябрьской революции в результате осуществления ленинской национальной политики начали мощно развиваться национальные культуры народов СССР. В связи с этим в отдельных национальных республиках силами национальных ученых было начато интенсивное изучение прошлого своего народа и истории его культуры. Таким образом, наступила новая эра и в изучении сказания о Едигее и Тохтамыше в Крыму, Дагестане (среди ногайцев), Каракалпакии, Казахстане, Татарии и в других местах Союза.

Новую казахскую версию сказания издал в 1922 г. в Ташкенте известный собиратель казахского фольклора Абу-Бекр Ахмеджанович Диваев [14]. Новые версии записаны, но еще не изданы татарскими фольклористами. Версия Чокана Валиханова, ранее изданная П. М. Мелиоранским, вошла в изданную Сакеном Сейфуллиным новым латинизированным алфавитом вторую часть «Сборника песен богатырей» [15], с некоторыми исправлениями и изменениями, без указания происхождения варианта. Сакен Сейфуллин, известный казахский писатель и литературовед, посвятил сказанию о Едигее ряд интересных страниц в первом томе своего труда «Қазахская литература» [16], посвященном литературе феодальной эпохи. Сакен Сейфуллин относит сказание о Едигее и ряд других богатырских сказаний, распространенных среди казахов, к творчеству ногайского периода. В нескольких местах первого тома (стр. 24, 31, 41), касаясь этого вопроса, С. Сейфуллин особенно подробно останавливается на нем в начале

[13] [В. В. Бартольд, Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии,— Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 184].

[14] А. Диваев, Батурлар, ч. 5. Мирза Едиге, Ташкент, 1922.

[15] Sejpolla ulь Saken, Batьrlar çьrlarьnьn çьjnaqь, ч. 2, Almatь, 1934, стр. 5—39.

[16] Sejpolla ulь Saken, Qazaq ədəbijati, Almatь, 1932, стр. 157—159 и 181—187.

второго отдела книги, специально посвященного «литературным образцам, оставшимся от ногайского периода» (стр. 154—179). В отличие от Мелиоранского, Бартольда и Фалева С. Сейфуллин высказывается против теории заимствования казахами сказания о Едигее и других сказаний от ногайцев и настаивает — с чем нельзя не согласиться — на внутренней связи истории казахов и ногайцев и их эпоса, а это позволяет сделать вывод, что сказание о Едигее и другие ногайские сказания исторически являются общим достоянием не только ногайцев, но и казахов, каракалпаков и других народов, история которых связана с историей обширной Золотой Орды, о чем я говорил выше. Сейфуллин касается, в связи с вопросом о ногайском эпосе, также и исторической внутренней связи ногайцев, казахов и узбеков (стр. 159—163).

Переходя к рассмотрению сказания о Едигее, Сакен Сейфуллин упоминает только два издания: Диваева и Каныша. Последнего издания я не видел. Пересказанный автором вариант (стр. 181—183) совпадает с вариантом Чокана Валиханова. С. Сейфуллин считает, что наиболее полно и совершенно сказание о Едигее сохранилось именно в казахской устной литературе в связи со степным феодализмом. Анализируя содержание сказания о Едигее, Сейфуллин отмечает черты, определяемые принадлежностью сказания господствующему классу золотоордынских феодалов (стр. 183—184), весьма кратко приводит известные более подробно из прежних работ ссылки на исторические труды, упоминающие о деятельности Едигея (стр. 184—185), дает объяснения причин вражды ногайцев к Тохтамышу как представителю золотоордынской династии (стр. 185—186), указывает на то, что ногайские феодалы в интересах своего класса приняли меры к прославлению памяти Едигея среди ногайских масс через эпическое сказание (стр. 186), и в заключение приводит образцы художественно совершенных стихотворно-песенных отрывков (стр. 186—187), в том числе прощание Тохтамыша с родной страной.

III

Сказание о Едигее и Тохтамыше, созданное в среде господствующего класса феодального общества ногайской части Золотой Орды в целях поднятия и поддержания на высоком уровне авторитета власти ногайских феодалов и белой и черной кости среди эксплуатировавшегося ими населения и среди соседних народов, дошло до нас в ряде вариантов, записанных на территории бывшей Золотой Орды и смежных районов среди различных народов, политическая и культур-

ная история которых в той или иной степени связана с историей Золотой Орды.

Эти доступные нашему изучению варианты сказания о Едигее и Тохтамыше отличаются между собой в различных отношениях. Прежде всего мы должны делить известные нам версии на две группы по классовому признаку. К первой группе принадлежат варианты, связанные с феодальной верхушкой того или иного народа и ее окружением, варианты, сохранявшиеся в верхнем слое феодального общества идеологами и слугами господствующего класса, самими феодалами и покровительствовавшимися ими певцами различных народов в Крыму, Дагестане, в степях Казахстана и Каракалпакии, в Западной Сибири. Именно эта группа вариантов привлекала к себе преимущественное, если не исключительное, внимание национальных (Османов, Валиханов, Диваев и др.) и инонациональных собирателей и исследователей. К этой группе принадлежит и вариант, записанный Н. Хакимовым под диктовку Сыддык-карта. Вторая группа — это варианты, связанные с широкими массами трудящихся того или иного народа, варианты, показывающие, как изменяются не только по форме, но и по содержанию произведения художественного словесного творчества, когда они проникают из среды богатых феодалов, на службе у которых находятся лучшие певцы и импровизаторы, в среду эксплуатируемого класса, изнемогающего под бременем феодального труда. Лишенные внешней эффектности, внешнего блеска, варианты второй группы, можно сказать, только случайно, скорее как памятники языка, чем как памятники литературы, фольклора, привлекали к себе внимание собирателей. П. А. Фалев не сказал основного, не упомянув о классовых причинах превращения сказания о Едигее в сказку, когда писал: «Еще далее, и героическое предание обращается в сказку» (стр. 14).

Образцом такой сказки может служить один из крымско-татарских вариантов, записанных В. В. Радловым, именно вариант, записанный в ногайском селении Когенни-Кият на ногайском языке. Сказка начинается, как и ногайские былины о Едигее, историей с яйцами охотничьего сокола, причем действующими лицами являются Кутлу-кая, служащий сокольником, но не у Тохтамыш-хана, и не у его отца, а у Джанибека, и Темир-хан. Далее следует история брака ослепленного Кутлу-кая, в результате которого после ряда чудесных событий родился Едигей близ деревни по прозванию Эсебей. Житель этой деревни по имени Энке-карт подобрал ребенка, а жена его вскормила вместе со своим сыном, как двойню. В детстве, став пастухом, Едигей, имя которого во всей сказке не упоминается ни разу, прославился

как судья: он рассудил дело о зайце между двумя охотниками, заставив их стрелять в яйцо, положенное на грудь ребенка (ср. историю Вильгельма Телля). Джанибек, услыхав про судебные таланты мальчика и решив, что он должен быть сыном провинившегося Кутлу-кая, решил его убить, но Энкекарт привел к нему под видом сына Кутлу-кая своего родного сына, и хан его убил. Старик воспитал Едигея и отпустил со словами: *sen endi kel jigit bol* («Теперь ступай, будь джигитом»).

Сказка составлена сплошь прозой, короткими фразами обычного разговорного языка, без всяких художественных элементов и эпических выражений. На фоне слабого отражения истории Едигея и Тохтамыша, без упоминания имени первого и с заменой второго Джанибеком, сказка на первый план выдвигает, отвечая социальному заказу своих слушателей — ногайских крестьян, не борьбу Тохтамыша с Едигеем и не политические победы последнего, а занимательный эпизод женитьбы Кутлу-кая на оборотне, исцелившем Кутлу-кая от слепоты и исчезнувшем, после того как Кутлу-кая не сдержал своих обещаний, и судебный талант мальчика-пастуха. Крупные прозаические части типа сказки находим в другом крымском варианте из Бююк-ходжалар [17].

Современные фольклористы должны наконец обратить внимание на эту вторую группу вариантов сказания о Едигее.

Особого внимания заслуживает еще вариант сказания о «Едигейтере», записанный по заказу студента И. А. Беляева в 1903 г. в селении Чимбай среди каракалпаков одним местным грамотеем со слов неграмотного каракалпака 45 лет, уроженца Чимбая по имени Бек-Мухаммед [18]. Это тоже своего рода сказка, но сочиненная в традиционной форме сказания о Едигее — перемежающимися прозой и стихами. Ногайское сказание о Едигее и Тохтамыше использовано каракалпакским творцом — импровизатором этой сказки-былины, как материал, которому в значительной мере придан местный каракалпакско-хивинский колорит. Произведение это рассчитано на обслуживание не феодальной аристократической верхушки и ее окружения и не специально широких трудящихся масс крестьянства, а среднего между этими классами социального слоя каракалпакского народа, слоя, обслуживаемого певцами-импровизаторами средней руки, слоя, слабо связан-

[17] В. В. Радлов, Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. VII. Наречия Крымского полуострова, СПб., 1896, стр. 99—122.

[18] «Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока», вып. 3—4, Ашхабад, 1917.

ного со степными аристократическими традициями, но принадлежащего все же к господствующему классу.

Большое место в каракалпакской версии занимает эпизод борьбы Едигея с черным дэвом Каратиюном (Кабардин — по версии Османова и Кабантын — по версии Ч. Валиханова) за освобождение дочери хромого Тимура Ак-билек. Роли героев ногайского сказания о Едигее перепутаны и связь событий искажена. Традиционный текст песен сказания крайне слабо отражен, обычно в искаженном виде, в стихах каракалпакской версии. Сошлюсь для примера на песню Сыпра-джырау с перечислением золотоордынских ханов. Обстановка событий приближена к каракалпакской и модернизирована: упоминаются, с одной стороны, сани для езды по ледяному морю, с другой — ружья и пушки. Постоянно упоминаются ногайцы, но обычно с определением *алты айлык* (ср. ногайский отдел *алтыулы*), а их страна иногда называется *Алты айлык юрт* — «шестимесячная страна».

Перевод на русский язык, исполненный И. А. Беляевым, недоброкачествен.

IV

Запись сказания о Едигее и Тохтамыше, произведенная Н. Хакимовым в 1919 г. со слов Сыддык-карта в селении Йыланлы, является четвертой записью на территории Западной Сибири, в пределах бывшего Сибирского царства хана Кучума, самой из них обширной и наиболее в литературном отношении ценной.

Предыдущие три записи были произведены В. В. Радловым в середине XIX в. среди барабинцев племени Терене на озере Каргат, среди племени Курдак на Иртыше и в районе устья Ишима. В предисловии к своему четвертому тому «Образцов народной литературы тюркских племен», посвященному тюркам Западной Сибири, Радлов писал: «Сказание о Тохтамыше принадлежит к числу самых любимых и распространенных воспоминаний тюркского мира. Его поют и киргизы (казахи.— *А. С.*), и башкиры, и даже в горах сохранились следы его в песне Мурадым» [19].

Ишимская запись Радлова представляет отрывок сказания и состоит исключительно из стихотворений-песен [20]: большой песни Тохтамыша, в которой он прощается с родной страной, с Волжским краем, и затем из песенного состязания

[19] В. В. Радлов, Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар, СПб., 1872, стр. XIV.

[20] Там же, стр. 195—204.

между певцом Янбаем (Ченбай) и сыном Едигея Мыратымом. В этом состязании дважды упоминаются горцы — tav ile (стр. 200—201), под которыми разумеются кавказские горцы, в частности, черкесы, упоминаемые на стр. 201.

Курдакская запись Радлова должна рассматриваться тоже как отрывок сказания о Едигее, посвященный преимущественно эпизоду вражды между Едигеем и Нурадином (стр. 127—136). В этом отрывке кроме стихотворений-песен, отчасти очень близких к песням Ишимской записи и еще более — к песням версии Н. Хакимова, имеется небольшое прозаическое вступление, представляющее собой весьма отдаленный отзвук истории Тохтамыша и Едигея. В отрывке упоминаются «город Чингиз» (стр. 129) и страна «Кырым» (Крым, стр. 135). Ни в том, ни в другом отрывке не встречаем ни ногайцев, ни казахов. Народ страны Тохтамыша и Едигея совсем не упоминается.

Наиболее обширной из западносибирских записей Радлова является барабинская (стр. 27—45). Начало ее (стр. 27—32) носит форму сказки, составленной простым разговорным языком, как упоминавшаяся ранее сказка крымских ногайцев. В этой сказке про Едигея отражением местной, западносибирской действительности является то, что одной из сторон в споре о верблюде, разрешенном пастухом Едигеем, был *сарт* (стр. 30), как среди барабинцев и их соседей именовались переселенцы в Сибирь из Туркестана[21]. История Тохтамыша и Едигея в этой сказочной части искажена сравнительно с более сохранившимися версиями, например, ногайской Османова или западносибирской Хакимова. Далее в барабинской версии идут в небольшом количестве краткие стихотворения-песни эпического стиля, однако с обширными прозаическими вставками, составленными обычным языком. Стихотворные отрывки начинаются с момента преследования Тохтамышем Едигея и выступления певца Янбая (Джанбая). Ряд песен совпадает с песнями в записи, сделанной Н. Хакимовым в 1919 г., о чем речь ниже.

В одной из прозаических вставок (стр. 40—41) рассказывается, что Едигей, бежавший от Тохтамыша, встретил по пути к хромцу Тимуру русского богатыря Анисима, женившегося на дочери Тимура, убил этого богатыря и похитил его беременную жену, которая родила сына Мурадыла (Мырадыма). Ни ногайцы, ни казахи в барабинской версии, как и

[21] Сартом именуется певец из Туркестана в одном из крымских вариантов сказания о Едигее [Радлов, Образцы, т. VII, стр. 105]. Сарт рядом с казахом упоминается и в кыргызском «Манасе» [там же, т. V, стр. 2], которому известны и ногайцы [там же, стр. 3]. [О слове *сарт* см.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. V, стр. 186].

в двух остальных сибирских, записанных В. В. Радловым, не упоминаются, в то время как в версии Н. Хакимова, тоже сибирской, как увидим ниже, встречаются и ногайцы — как народ, и казахи — как вольница. Кончается барабинская версия тем, что сын Тохтамыша Исмаил мстит сыну Едигея Мырадыму за убиение своего отца, отсекает ему голову, хоронит ее рядом с головой Тохтамыша и восседает на отцовский престол. Святой Баба-Тюкли-Чачты-Азиз, рожденный от Баба-Омара и от русалки,— предок Едигея, по основным ногайским версиям и их казахским вариантам Ч. Валиханова, С. Сейфуллина, упоминаемый также в записи Н. Хакимова,— в барабинской версии отсутствует. По этой версии, Едигей (неизвестного происхождения) был подобран в поле крестьянином-пастухом. Классовая принадлежность барабинской версии несколько иная, чем версия Сыддык-карта.

V

Четвертый западносибирский вариант сказания о Едигее записан в 1919 г. Н. Хакимовым в деревне Йыланлы бывшего Тарского уезда со слов Сыддык-карта, или Сыддык-бабая (1857—1927). Рассказчик родился в этой самой деревне в семье крестьянина средней зажиточности. С детства он находился на службе у купцов и постоянно разъезжал с ними по ярмаркам и городам Сибири, Казахстана, Узбекистана. Хорошо говорил по-казахски, по-узбекски, по-русски. Умел читать и писать на родном языке, хотя и неважно, как сообщает мне в своем письме Н. Хакимов. Сыддык-бабай обладал особым интересом к фольклору и к истории Западной Сибири, Туркестана, Поволжья, проявлял в этих областях большие познания, отличался ораторским талантом и славился не только в родной деревне, но и всюду, где его знали,— среди татар, казахов, русских — как занимательный рассказчик, способный увлекательно передавать были и сказания днями и неделями.

Записанный Н. Хакимовым со слов Сыддык-бабая вариант сказания о Едигее свидетельствует действительно об ораторском даровании передатчика, о его большой памяти на словесные произведения и, можно полагать, о его способностях импровизатора. Личность этого служителя художественного слова и родной истории из крестьян-татар Западной Сибири заслуживает подробного изучения со стороны татарских краеведов [22].

[22] [О нем. см. ниже, Приложение, стр. 212—213].

Вариант сказания о Едигее, оставленный нам Сыддык-бабаем, принадлежит к числу весьма немногих, более или менее полно записанных, и среди последних занимает пока по объему первое место. Вариант этот, однако, все же весьма далек от совершенства и имеет сравнительно с другими известными вариантами некоторые пропуски.

В мои намерения не входит всестороннее исследование нового, чрезвычайно ценного в историко-литературном отношении варианта о Едигее, найденного Н. Хакимовым в Западной Сибири. Такое исследование, надеемся, появится в свет после опубликования настоящей записи варианта Сыддык-бабая. Позволю себе ограничиться некоторыми сообщениями и замечаниями вводного характера.

Вариант Сыддык-бабая заключает в себе следующие эпизоды сказания о Едигее, Тохтамыше, Нурадине и Кадыр-берди — исторических личностях эпохи Золотой Орды.

I—II. Сокольничий Тохтамыш-хана по имени Кутлу-кая тайно передает пару яиц охотничьего сокола, принадлежащего Тохтамышу, его сопернику Тимуру. Хан казнит Кутлу-кая и всю его семью, но друг Кутлу-кая, Атялык Джантемир, подменяет его сына Едигея своим сыном Кобыгылом, и Едигей остается жить под именем Кобыгыла.

Очень близкий к варианту Сыддык-бабая крымский вариант из Карасу-базара, к сожалению, записан в отрывках и первые эпизоды сказания до нас не дошли (стр. 154). Другой крымский вариант из Бююк-ходжалар начинается теми же двумя эпизодами, что и вариант Сыддык-бабая, но существенно отличается от него тем, что содержит дополнительный вставочный эпизод чудесного рождения Едигея от брака Кутлу-кая в изгнании с женщиной-оборотнем (стр. 101). Ногайский вариант Османова начинается теми же двумя эпизодами, что и вариант Сыддыка, но в этом варианте кроме Тохтамыш-хана упоминается вначале его отец Тойгуджа (стр. 32). Характерно, что другой небольшой крымский отрывок из Карасу-базара (стр. 146) упоминает вначале тоже не Тохтамыша, а Чугалыка; Тохтамышем же заменяет Тимура.

Начало барабинского варианта типа сказки содержит эпизод рождения Едигея. Объясняется имя «Едигей» тем, что его носитель был доставлен домой в сапоге *(edik)*. Это объяснение дано и в крымской версии из Бююк-ходжалар (стр. 104). Варианты казахского сказания о Едигее Валиханова и Сейфуллина начинаются другим эпизодом: у Баба-Омара и одной девицы от непорочного зачатия родился святой сын по имени Баба-Тюкти-Шашты-Азиз, а у последнего в результате женитьбы на русалке родился сын Едигей. Отзвуки этого эпизода имеются в различных версиях.

III. Едигей-Кобыгыл, воспитываемый Джантемиром как пастух, прославился и как охотник, и как певец-оратор, и как богатырь-борец, и как воин, и как государственный человек. Тохтамыш-хан приблизил его к себе, поручал ему дела Крыма, брал его с собой в Москву. Тохтамыш так уважал Едигея, что при его появлении невольно вставал. У Едигея, потомка Баба-Туклеса и Абубекра, родилась мысль отомстить Тохтамышу за смерть своего отца. Тохтамыш начал подозрительно относиться к Едигею.

Крымский вариант из Бююк-ходжалар (стр. 104) содержит тот же вариант, но в более сохранном и полном виде, чем вариант Сыддык-бабая. Здесь сообщается, как жена Тохтамыша обратила внимание на его особое отношение к Едигею и пыталась выяснить, друг или враг им Едигей. Об этом говорится и в ногайском варианте Османова (стр. 32), и в барабинском варианте (стр. 31). Краткое упоминание о том же у Сыддыка находим в четвертом эпизоде.

Казахский вариант Валиханова и Сейфуллина и в данном случае продолжает отличаться от варианта Сыддыка, сообщая эпизод выступлений мальчика-пастуха Едигея в качестве судьи, на что, впрочем, в варианте Сыддыка сохранился лишь слабый намек. В барабинском варианте, как и в казахском, следует эпизод судебной деятельности мальчика — Едигея (стр. 28—31). Этот эпизод сохранен и крымско-ногайской сказкой из селения Когенни-кият (Радлов, VII, 200—201).

IV. Вещий сон Тохтамыша, в котором Тохтамыш видит предостережение против Едигея. Предостережение со стороны ханши.

В крымском варианте из Бююк-ходжалар этого эпизода нет. Он имеется в ногайской версии Османова, которая обнаруживает, таким образом, особую близость по составу эпизодов к версии Сыддык-бабая из Западной Сибири.

Казахская версия Валиханова этого эпизода тоже не включает, обнаруживая в данном случае близость к крымской версии из Бююк-ходжалар (Мелиоранский, стр. 9—10).

V. Пир Тохтамыша, устроенный для выяснения личности Кобугула-Едигея и для его уничтожения как врага. Выступление певца Сыпра. Покушение Тохтамыша на жизнь Едигея.

С этого эпизода начинаются многочисленные стихотворные вставки-песни в варианте Сыддыка. В том же порядке этот эпизод следует в вариантах: крымском из Бююк-ходжалар (стр. 105—107), ногайском Османова (стр. 32—36). Имеется он во втором Карасу-базарском варианте (стр. 154—159) и в барабинском варианте (стр. 32—36) с очень ценной сти-

хотворной частью. В казахской версии Валиханова описание выступления певца Сыпра и других советчиков Тохтамыша дается (стр. 11—16) после описания бегства Едигея с пира (стр. 10—11).

VI. Бегство Едигея за Волгу и преследование его певцом-посредником Джанбаем.

В том же порядке находим этот эпизод в крымских версиях из Бююк-ходжалар (стр. 107—109) и Карасу-базара (стр. 148—149, 159—160), в ногайской версии Османова (стр. 36—37), в барабинской (стр. 37—38). В казахской версии Валиханова эпизод разделен на две части (стр. 10—11, 16—23).

VII. В варианте Сыддык-бабая пропущен весьма интересный эпизод, имеющийся в других главнейших вариантах: борьба Едигея за освобождение дочери Тимура в степи по дороге к Тимуру и женитьба Едигея на этой дочери Тимура, от которой родился участник дальнейших событий сказания, Нурадин. В крымских отрывках из Карасу-базара этого эпизода нет, но он имеется в крымском же варианте из Бююк-ходжалар (стр. 109), где похитителем дочери Тимура называется Кабертин, а один из его спутников оказывается калмыком. Этот эпизод содержится и в ногайских версиях Османова и Семенова, называющих тоже Кабардина (стр. 37). Как упоминалось мною ранее, по каракалпакской версии, борьба велась с дэвом Каратиюном. В данном случае каракалпакский вариант обнаруживает некоторую близость с казахским Валиханова, называющего «сына дэва Кабан-тин» (стр. 24). Одна из сибирских версий дает русского богатыря Анисима (Радлов. IV, 40).

Вариант Сыддык-бабая описывает лишь лишения Едигея и его спутников в пустыне по пути к Тимуру.

VIII. Едигей уговорил Тимура идти войной на Белую орду — против Тохтамыша, через реки Ишим, Тобол, вдоль Уральских гор; Сарай, Астрахань были взяты. Едигей стал ханом Белой или Золотой Орды. Тохтамыш бежал, простившись в песне с родиной.

В этом эпизоде наблюдается некоторое расхождение версии Сыддык-бабая с теми вариантами, с которыми до сих пор наблюдалось в основном сходство: с крымским вариантом из Бююк-ходжалар и с ногайским Османова. В этих двух вариантах восьмой эпизод касается выступления не Едигея, а его сына Нурадина против Тохтамыша, причем в крымском варианте этому выступлению предшествует беседа Нурадина, игравшего во дворе в бабки, с Едигеем (стр. 112), а в ногайской версии коротко сообщается, что Едигей попросил у Тимура войска для похода против Тохтамыша, а тот не дал

(стр. 38), а затем Нурадин, возбужденный рассказом Тохтамыша о наказании Кутлу-кая, когда Нурадин вместе с Тимуром присутствовали на свадьбе сестры Тохтамыша, выступил против него войной с помощью Тимура. Эпизод, по ногайской версии Османова, все же кончается той же прощальной песнью Тохтамыша, что и эпизод в версии Сыддыка (стр. 39). В Карасу-базарских отрывках этого эпизода нет. По барабинскому варианту (стр. 41—42), поход был совершен совместно Едигеем и Нурадином. Казахский вариант Валиханова тоже сообщает о совместном походе отца и сына (стр. 28—30) и упоминает об игре в бабки Нурадина и о прощальной песне Тохтамыша.

IX. Нурадин по просьбе Едигея соглашается отправиться на поиски Тохтамыша с условием получить в жены младшую дочь хана. Борьба Нурадина с Тохтамышем в полынной степи. Нурадин отсек голову Тохтамыша и доставил ее в Сарай Едигею.

В коротком прозаическом пересказе (без стихов) эпизод этот имеется в крымской версии из Бююк-ходжалар (стр. 113—114). Во втором Карасу-базарском отрывочном варианте имеются те же стихи, что и в версии Сыддыка (стр. 160—162). Ногайская версия Османова также содержит этот эпизод (стр. 39—40) со стихами, а барабинская версия (стр. 42—43) — только в прозаическом пересказе. Довольно подробно этот эпизод описан и в казахской версии Валиханова (стр. 33—36).

X. Ссора между Едигеем и Нурадином из-за красавиц, оставшихся после Тохтамыша. Вмешательство Джанбая и матери Нурадина. Нурадин ушел к Тимуру. Едигей скучал по сыну. Снова вмешался Джанбай. Едигей послал за сыном послов. Нурадин возвратился, но примирение с отцом не состоялось, и Едигей «ушел казаком».

В крымском варианте из Бююк-ходжалар коротко рассказывается в прозе история с женщинами, причем отмечается, что на Едигея была возведена напраслина (стр. 114), а затем в прозе и стихах повествуется, как путем загадок Нурадин разыскал Едигея и вернул его к себе. Вторая Карасу-базарская версия как раз заканчивается этим десятым эпизодом (стр. 162—165), и ее последние слова — «он ушел казаком», т. е. вольным скитальцем. Очень коротко освещен тот же эпизод в барабинской версии (стр. 43—44). По десятому эпизоду вариант Сыддык-бабая оказывается особенно близким к курдакской версии из Западной Сибири (стр. 128—136), по которой Нурадин тоже временно удаляется, поссорившись со своим отцом, к Тимуру и в которой ряд стихотворений совпадает со стихами версии Сыддык-бабая. Курдакская версия

этим эпизодом и заканчивается. В ногайской версии Османова (стр. 40—44) эпизод представлен рядом песен-стихотворений. В одном из них Нурадин утверждает, что он потомок Туркестанского ходжи Ахмеда-Баба-Тюкли-Шашлы-Азиза-Бархая (стр. 43). В казахской версии Валиханова также имеется этот эпизод (стр. 32—38).

XI. Эпизод одиннадцатый не вошел в версию Сыддык-бабая. Он имеется в ногайской версии Османова (стр. 44—45). Странствуя казаком, Едигей творил среди людей мудрый суд. Так, он рассудил спор из-за хромой козы между Исмаилом, Юсуфом, Аметом и Мекешем. Узнав об этом, Нурадин привез отца, сделал его ханом, а сам стал бием. Несомненно, отзвук того же эпизода имеется в десятом эпизоде версии из Бююк-ходжалар, в которой Нурадин нашел Едигея по стихотворной его отгадке стихотворной загадки, которую пустил по стране Нурадин.

XII. Сын Тохтамыш-хана, Кадыр-берди, подкупил Джанбая, с его помощью захватил Нурадина на охоте, устроил ему пытки, которые тот выдержал, и помирился с ним. Кадыр-берди назначил Нурадина темником, но он вскоре умер.

И в данном эпизоде, как в большинстве предыдущих, версия Сыддык-бабая совпадает с версией Османова (стр. 45—47), но не вполне: по этой версии, примирение не состоялось и Нурадин не умер. Казахская версия Валиханова вместо двух эпизодов — двенадцатого и тринадцатого — имеет один (стр. 38—39), объединенный, которым и заканчивается сказание.

XIII. Нападение Кадыра-берди на Едигея по ту сторону Волги. После долгого и упорного сопротивления Едигей, будучи старым, ослаб и пал под ударом меча.

По ногайской версии Османова, от которой почти не отличается по количеству эпизодов версия Сыддык-бабая, Едигей сам выступил против Кадыра-берди на защиту своего сына Нурадина и добился его освобождения, но затем погиб от ран. Кадыр-берди скончался от болезни по пути в Крым.

Далее Османов приводит родословную Едигея, восходящую к Абубекру, и заканчивает сказание сообщением, что после смерти Едигея царствовал Нурадин (Нур Адиль).

По барабинской версии (стр. 43—45), Нурадин (Мырадыл) ослепил Едигея (эпизод X) и стал ханом. Сын дочери Тохтамыша Исил (эпизод XII—XIII) под видом купца проник к Нурадину, отсек ему голову, похоронил ее вместе с головой Тохтамыша и занял на троне место своего деда Тохтамыша.

VI

Основное наше внимание должны привлекать стихотворные части сказания о Едигее, по сравнению с прозаическими частями наименее подверженные изменениям и искажениям и представляющие собой поэтому в той или иной степени наиболее старые, по-видимому, иногда многовековой давности образцы устной художественной литературы потомков многоплеменного населения Золотой Орды. Однако необходимо иметь в виду, что новые дополнения могут иметься и среди стихотворений-песен как результат творчества исполнителей сказания, обладающих импровизаторским талантом.

Попытаемся установить, какое место среди других вариантов сказания о Едигее занимает западносибирская версия Сыддык-бабая по количеству и по качеству стихотворений-песен, входящих в состав сказания, но предварительно сделаем несколько замечаний о форме сказаний-былин у тюркских народов вообще.

Смешанную форму прозы и стихов-песен, которая в той или иной мере представлена в вариантах сказания о Едигее, мы находим и у якутов [23], и у туркмен [24], и у узбеков [25] и т. д. Эта смешанная форма восходит к довольно давним временам, но возникает вопрос: изначальная ли это форма?

Не может подлежать сомнению, что этой смешанной форме предшествовала в эпических произведениях форма сплошь стихотворная, форма, которую мы видим, например, в знаменитой киргизской эпопее «Манас».

Заслуживают внимания слова В. В. Радлова об исполнении певцами-акынами эпопеи «Манас»: «Певец поет свои песни двумя различными мелодиями, первая из них исполняется в более ускоренном такте и употребляется при рассказах и описаниях, вторая поется тихо и торжественно в виде речитатива, ею передаются разговоры между героями» [26]. Принимая во внимание, что двойная система исполнения эпических произведений наблюдается и тогда, когда эти произведения составлены в смешанной форме прозы и стихов [27], естествен-

---

[23] А. Н. Самойлович, Якутская старинная устная литература,— в кн.: «Якутский фольклор», тексты и переводы А. А. Попова, М., 1936, стр. 23.

[24] А. Самойлович, Очерки по истории туркменской литературы,— сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 149.

[25] M. Buzuk Salixov, Oktabrgara bolgan ozbek kajzak adabijati, Almatь, 1935, стр. 86.

[26] В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. V, СПб., стр. XV.

[27] В. А. Успенский и В. М. Беляев, Туркменская музыка, М., 1928, стр. 22.

но предположить, что постепенно, на известной стадии степного феодализма, начинался процесс некоторого распада степных эпических форм, и на смену стихам, исполнявшимся одним из двух видов мелодии, стала появляться проза. Этот процесс распада можно проследить и по существующим записям вариантов сказания о Едигее.

Так, например, в барабинском варианте сказания о Едигее (стр. 27), с одной стороны, видим в начале (стр. 27—32) сплошную прозу типа сказки, а с другой стороны, после двух страниц смешанной формы — стихов и прозы (стр. 32—33), встречаем три страницы сплошных стихов типа киргизского «Манаса» (стр. 33—36), в которых имеются: и прямая речь, отмеченная кавычками, и повествование рассказчика, обычно при смешанной форме передаваемое прозой. Подобные же части сплошных стихов находим и в курдакском варианте (стр. 128—136), и в ишимском (стр. 195—204) из Западной Сибири, а также в казахском (Сейфуллин, стр. 10—23), ногайском (Османов, стр. 34—36).

В варианте Сыддык-бабая, за немногими исключениями, последовательно проведена смешанная форма прозы и стихов, как это мы наблюдаем в произведениях типа «Тагир-Зухра», «Гариб Ашик» и т. п. у туркмен, азербайджанцев, узбеков, в Крыму. Кусочки повествования в стихах, не всегда выделяемые Н. Хакимовым, имеются и в варианте Сыддык-бабая. Так, в части, касающейся отправки людей за престарелым певцом Сыпра (Сабрау), читаем:

Jlce atka mende, di;
Jurta-raba kitte, di;
Sabrav digən jьravaja
Altь kondə jitte, di.

Другой кусочек повествования в стихах находим при описании возвращения Нурадина к Едигею в эпизоде ссоры отца с сыном:

Qajtьp kilde Nuradьm,
Qaşqa korən at menep
(и т. д.)

Вариант этого повествования, но не в виде отдельного кусочка, а в составе сплошного стихотворного текста находим в курдакском варианте (стр. 132):

Murza kilde, tidelər,
Quşqar kyrən at menep
(и т. д.)

Третий повествовательный отрывок в стихах в варианте Сыддык-бабая находим в эпизоде борьбы Кадыра-берди с Нурадином:

Jav kilgənen belgən sun,
Kyp ciryne kyrgən sun,
(и т. д.)

Таким образом, совершенно ясно, что вариант Сыддык-бабая в отношении формы представляет, как и остальные дошедшие до нас варианты сказания о Едигее, не первоначальную стадию этого сказания сплошь в стихотворной форме, а вторую стадию — в форме смешанной, прозаической и стихотворной, с незначительными, несравненно более слабыми, чем в некоторых других вариантах, остатками первой стадии.

Среди изданных вариантов версия Сыддык-бабая отличается наибольшим количеством стихотворений-песен. По моему приблизительному подсчету, стихотворных вставок в этой версии не менее 70, в то время как в ногайском варианте Османова, если не разбивать на составные части сплошных стихотворных отделов, стихотворных вставок около 20, в казахской версии Валиханова — столько же, а в крымских и сибирских отрывках — еще меньше. Проделанное мною предварительное сопоставление стихотворений версии Сыддыка со стихами других вариантов дало до 33 стихотворений, совпадающих в той или иной степени со стихами других версий, и до 41 таких, для которых мне пока не удалось найти соответствующих стихов в других вариантах.

Среди неотождествленных мною по другим вариантам стихотворений варианта Сыддык-бабая отмечу стихотворные разговоры матери Нурадина с сыном перед его бегством к Тимуру и затем, после того как Нурадин изгнал своего отца Едигея из страны.

Большинство стихотворений сочинено семислоговым метром. Заслуживают внимания стихотворения, сочиненные двенадцатислоговым метром, характерным для старинных произведений: некоторых хикметов Ахмеда Ясеви, известного стихотворного романа XIII в. «Юсуф и Зулейха» Али, сочиненного, по-видимому, в Средней Азии или в Восточной Европе, и для стихотворных частей «Огуз-наме», связанного с Коркудата. В сказании о Едигее по варианту Сыддык-бабая я отметил два стихотворения двенадцатислогового метра, причем оба не встречались мне в других вариантах сказания. Первое стихотворение, в котором Нурадин расспрашивает о своей стране послов, направленных к нему Едигеем во время его бегства:

Əj ilcelər! Beznen kyrgən ilaman-mь?

Второе стихотворение — четверостишие Едигея перед смертью:

Mineŋ inde ilgə kyrener jəzem-də juq,
Borьnajьdaj jortka qarar kyzem-də juq,
Bilgem də juq! Doşmannarьm, tiz ylterew!
Sezgə inde başqa əjter syzem-də juq!

Принадлежат ли эти два стихотворения действительно к старинным частям сказания или сочинены впоследствии по старинным образцам, решить не могу, хотя склоняюсь ко второму предположению [28].

Не считая уместным во вводной статье заниматься сравнением между собой различных вариантов одного и того же стихотворения в широких размерах, ограничиваюсь двумя песнями и прежде всего прощальной песнью Тохтамыша, которую я нашел, кроме варианта Сыддык-бабая, в ногайских версиях Османова и Семенова и в казахской Валиханова — Сейфуллина и которая в качестве художественного произведения привлекла к себе в свое время внимание Сейфуллина в его книге «Қазахская литература».

В казахской версии Валиханова по изданиям Мелиоранского (стр. 31), у Сейфуллина (стр. 29) песне Тохтамыша предшествует стихотворное вступление (по первому изданию — в 17 стихов, по второму, исправленному,— 18 стихов). Это вступление носит несколько казахский колорит, упоминая, между прочим, Алаша-хана. Значительно короче вступление к ногайской версии Османова (стр. 39), не совпадающее с казахским вступлением, но близкое к вступлению ногайского варианта Семенова (стр. 434).

Весьма близки друг к другу варианты Османова и Семенова и в отношении самой прощальной песни Тохтамыша — и по объему, и по содержанию. В обоих этих вариантах по 16 стихотворных строк, в то время как в казахском варианте по изданию Сейфуллина — 99 строк, по изданию Мелиоранского — 99 или 100. Песня казахского варианта по обоим изданиям почти не различается; ногайский вариант Османова и Семенова составляет лишь ее часть, с некоторыми отличиями.

Западносибирский вариант Сыддык-бабая заключает в себе прощальную песнь Тохтамыша без стихотворного вступления, с небольшим прозаическим введением типа импровизации. По этому варианту песнь состоит из 75 стихотворных

[28] Ср. подражание роману XIII в. «Қысса-и Юсуф» у западносибирских татар (В. В. Радлов, Образцы, ч. IV, стр. 170).

строк, т. е. по объему значительно больше песни ногайского варианта Османова и Семенова, но меньше песни казахского варианта. По содержанию вариант Сыддык-бабая весьма близок к казахскому, местами совпадает с ним почти дословно, но местами значительно от него отличается. В начале песни Тохтамыша по этому варианту замечается тенденция проведения формы четверостиший, которой в казахском варианте нет, а в варианте Сыддык-бабая три четверостишия подряд. Я склонен считать это изменение делом творчества Сыддык-бабая под влиянием различных литературных произведений, хотя бы того же «Qissai Jusuf».

Ценное для историков место песни, где упоминаются ногайцы, и среди них казахи, Сыддык-бабай диктовал несколько иначе, чем в казахском варианте. В казахском варианте (Мелиоранский, стр. 81; Сейфуллин, стр. 30, стихи 7—8):

On san noajaj iş inde
Yş çyz alpьs otav qazaajьm.

В варианте Сыддык-бабая (третье четверостишие):

Un san noajajdan azaq
Oc jyz altmьş jort qazaq
Sinnən taajьn ajrьldьm,
Ɔl-əman bul minnən soŋ!

Два стиха в обоих вариантах совпадают, но в казахском четверостишия не получается.

Иначе, чем в казахском варианте, продиктовал Сыддык-бабай часть этой песни, посвященную Волге. По казахскому варианту (Сейфуллин, стр. 30—31, стихи 20—29; Мелиоранский, стр. 31—32):

Çaajasьnnan balaban torajaj ucalmas,
Basqurdan basa qansa, sarьgьlmas,
Balьajь çьlьq çuv satpas,
Baqsь kişi ujьqtatpaŋ,
Maralь bar kijiktej
Baldьraajanь bilektej,
Almasь bar şçyrektej,
Edil-meneŋ Çajьajьm,
Seni taajь aldьrttьm,
Ɔl-əman (əmam?) bul mennən soŋ.

По варианту Сыддык-бабая (строки полустишия 31—43):

Balьklarьn cumьrьşqan,
Qoqlarьn ocьp quьşqan,
Sьgьn, kiegen jөgereşkən
Ajularьn ykereşkən,
Sьjьr, qujlarьn mөnrəşkən
Jdel-av, sinnən ajьrьldьm.
Əl-əman bul menen syn!
Aajacьn ajbar kyrengөn,
Almaŋ jirgə tygelgən,
Tallarьn suoja ijelgən
Jdel-av sinnən ajьrьldьm,
Əl-əman bul minnən syn!

Казахский отрывок производит впечатление более старого, чем отрывок Сыддык-бабая. Именно в казахском отрывке наблюдаются еще и отсутствующие в отрывке Сыддыка следы свойственной старинному стихосложению и встречающейся в других местах варианта Сыддыка аллитерации.

Обращает на себя внимание, кроме того, появление в версии Сыддыка наряду с конями и овцами еще и рогатого скота: sьjьr. Не находим в версии Сыддыка упоминаемых казахской версией жаворонка, растения «балдырган» (ассафетида), не находим реки Урала (Яйк), который обычно называется рядом с Волгой, в дальнейшей же части прощальной песни Тохтамыша мы не видим упоминаемых казахским вариантом героев ногайско-каракалпакско-казахского эпоса Ормамбета и Копланды, а также сына Тохтамыша Кадыра-берди, который выступает в качестве действующего лица в своем месте и в версии Сыддыка; из диких зверей кроме марала, названного в версии Сыддыка сыгыном, как он именуется у тюрков Западной Сибири, Сыддык назвал еще отсутствующего в казахской версии медведя. Надо думать, что ни та, ни другая версия в отрывке про Волгу, как и в других местах, не свободна от привнесенных местных элементов: казахстанских в одной и западносибирских — в другой. Весьма правдоподобно, что в старом оригинале ногайского сказания песня Тохтамыша была короче, чем в вариантах Сейфуллина и Н. Хакимова.

Резко отличаются друг от друга варианты сибирско-татарский и казахский в отношении моментов экономического порядка. В песне Тохтамыша казахского варианта говорится преимущественно о скотоводческом хозяйстве, о кобылах и верблюдах, о молоке и кумысе, а в версии Сыддык-бабая говорится и об этом, и о другом:

Artьma catьr qundьгьp,
Altьma bazar qordьгьp,
Altьnnan aqca kisterep
Aʁaraja məhreʁ suqtьгьp...

В других вариантах эти стихи мне не встречались, и поэтому пока не приходится браться за решение вопроса, относятся ли они к старинным изводам сказания, или сочинены позднее. Положению Золотой Орды они соответствуют, да к тому же богаты аллитерацией!

Последнее стихотворение, которое я пытаюсь осветить сравнительно по ряду вариантов сказания о Едигее,— это исторические воспоминания в стихах на пире у Тохтамыша до изгнания им престарелого знаменитого певца Сыпра-джирау из Средней Азии. Это стихотворение находится, насколько я успел заметить, в вариантах Валиханова — Сейфуллина, Османова — Семенова, двух карасу-базарских записях Радлова и его же барабинской записи, т. е. является, следует это признать, весьма распространенным и в основе своей довольно старинным. Включено это стихотворение и в вариант Сыддыка.

В казахском варианте по изданию Сейфуллина 90 стихов (стр. 13—16), в ногайском — 36, в варианте Сыддыка — 44. В одном карасу-базарском варианте стихотворение это сокращено до восьми стихов и является очень слабым намеком на стихи других вариантов (стр. 148). Во втором карасу-базарском варианте (стр. 156) стихи Сыпра-джирау тоже сильно искажены и сокращены до одиннадцати стихов. Заслуживает внимания, что в этих последних стихах из Крыма рифмуют слова nortuʁ-man и qartьʁ-man, из коих первое, по-видимому, надо сопоставить со словом nart в ногайском варианте из Дагестана Османова, в котором слово nart тоже рифмует со словом qart. Если это верно, то мы видим кавказских нартов занесенными в Крым. В барабинском варианте из Западной Сибири песня Сыпра-джирау занимает 33 стиха (стр. 35—36).

Таким образом, песня варианта Сыддыка занимает по количеству стихов второе место после казахской, а за ней следует барабинская. В песне этой сначала перечисляются предки Чингиз-хана, а затем главнейшие ханы Золотой Орды. Сравнительно наиболее сохранным оказывается перечень личных имен в ногайской версии Османова, в которой среди других имен находим Саин-хана, т. е. Батыя, Есугея, его сына Чингиза, Юши-хана (Джучи-хана), Берке-хана, Узбек-хана, Джанибек-хана, Тохтамыша, сына Тойгуджи (стр. 34—35). Продолжения песни в версии Османова нет. Вместо продол-

жения следует другая песня Сыпра-джирау: agajь ul-da bergi ul. Вариант Сыддыка и барабинская версия ближе к казахской, чем к ногайской. В казахской версии более, чем в ногайской, фантастических имен. Из исторических в ней видим только Чингиз-хана, Джанибека и Тохтамыша (Сейфуллин, стр. 14). В барабинской версии находим Енбека (Джанибек), Узюбека (Узбека), Тохтамыша. Сыддык-бабай называет Чингиз-хана, Узбек-хана, Джанибек-хана, Токтага, Тойгуджа, Тохтамыша.

Мне представляется, что, говоря вообще, если, с одной стороны, стихи сказания о Едигее казахского варианта и связанных с ним западносибирских количественно превосходят стихи варианта ногайского, то, с другой стороны, в этом количественном превосходстве немало местами позднейших локальных наслоений, в качественном же отношении и, в частности, по сравнительной близости к старинным вариантам и к оригиналу или к оригиналам преимущественно в ряде случаев остается на стороне варианта ногайского. Будем с нетерпением ждать издания новых вариантов из ногайской среды Астраханского края, Дагестана, района Бештау и с Кубани.

VII

Остается сказать несколько слов о прозаических частях варианта Сыддык-бабая. Поскольку выше я высказался за то, что первоначально сказание о Едигее, подобно эпопее «Манас», состояло из сплошных стихов формы «джир», постольку прозаические части сказания приходится признать позднейшей переделкой прежних стихотворных повествовательных частей. Прозаические части наиболее подвержены изменениям, неустойчивы, и наиболее отражают литературные достоинства или недостатки певца-импровизатора. Эпизоды I—IV варианта Сыддыка составлены сплошь прозой, за исключением одной стихотворной вставки в эпизоде III: стихотворение с перечислением подарков Тохтамыша юному Едигею, имеющееся и в казахском варианте (Сейфуллин, стр. 8—9). Крупную сравнительно с другими прозаическую часть находим в эпизоде VIII: изгнание Едигеем Тохтамыша из Золотой Орды. Первым стихотворением в этом эпизоде является вышеупомянутая прощальная песнь Тохтамыша. Средней и малой величины прозаические вставки встречаются до конца варианта Сыддыка; в казахском варианте прозы меньше.

Прозаический язык Сыддык-бабая отличается гладкостью,

иногда красочностью и образностью и, будучи простым, вместе с тем носит черты эпичности, о чем можно судить по первым строкам, в которых стихи переходят в прозу:

Borьn-borьn zamanda
Jdel-Jajьq bujьnca
Tuqtamьş digən xan ytkən
Jortь-zur, xalqь-kyp, malьmul bulgan.

Совершенно в другом стиле, лишенном всякой эпичности, начинаются прозой западносибирские варианты — барабинский (стр. 27) и курдакский (стр. 127).

Вот еще образец языка прозы Сыддыка из эпизода похода Тимура на Тохтамыша. Едигей говорит Тимуру стихами, переходящими в прозу:

Jьraq-jьraq illərgə,
Malsьz fəqir jirlərgə
Utsьz-susьz cyllərqə
Capavьllьqlar qьlasьz
Kyz aldьajьzda jatqan
Balaja-majaja batkan
Monay ilne, Aq Ordanь kyrməjsez!

Не касаясь языка прозы Сыддыка с точки зрения его диалектальной принадлежности, остановлюсь на некоторых его словарных элементах.

Обращает на себя внимание сравнительное богатство социально-политической и военной терминологии, относящейся к Золотой Орде. Рождается предположение, что в этом сказалась начитанность Сыддыка в татарской литературе по истории Золотой Орды. Едигей в беседе с Тимуром про Золотую Орду упоминает биев, темников, тысяцких, туткаулов, ясаулов. Далее, при описании подготовки похода против Тохтамыша, называются части войска: ираул, чагдаул, сургаул.

Отмечу, что глагольная основа kөt употребляется не только в отношении слова tajkөt «паси скот», но и в отношении страны — народа: xalьq kөt «управляй народом, страной». Имеются особые термины, как и в некоторых других тюркских языках, для раба — qol и для рабыни — kөu. Сыддык-бабай пользуется такими старинными двойными словами, как at-cav «слова», aş-su «пища» и менее известными, как eckeujьn «веселье». Наряду с этим Сыддык-бабай употребляет и некоторые выражения из стамбульско-турецкого языка, как

dəhşət «ужас», şəvkətle «могущественный». Вероятно, и hurra «ура!» попало тем же путем.

Русское слово мне встретилось только одно: саранча.

Заключая в себе немало позднейших наслоений и обнаруживая связь по расположению и составу эпизодов с ногайским, а по содержанию песен — с казахским и западносибирскими вариантами, вариант сказания о Едигее Сыддык-бабая из селения Йыланлы Омской области является по числу песен самым обширным из записанных и изданных версий и представляет в общем выдающуюся ценность для изучения сказания о Едигее с литературоведческой, исторической и языковой точек зрения.